

К 100-летию денежной реформы 1922-1924 гг.

СОЗДАНИЕ ТВЕРДОЙ ВАЛЮТЫ
ПРИ ОДНОВРЕМЕННОМ РОСТЕ
ЭКОНОМИКИ: УРОКИ ИСТОРИИ

В мировой практике экономических реформ, пожалуй, не найти такого случая, когда бы серьезная финансовая реформа была осуществлена в точном соответствии с оздоровлением хозяйства страны...

Юрий Маркович Голанд,
кандидат экономических наук

Редакция журнала БСМ

Сто лет назад в РСФСР была успешно завершена денежная реформа, начавшаяся в крайне тяжелых условиях. За годы гражданской войны (1918–1920 гг.) и проводившейся в ее время политики военного коммунизма, характерной чертой которой являлся курс на ликвидацию рыночных отношений, денежное обращение было разрушено. За весь период с 1 января 1917 г. по 1 апреля 1921 г. розничные цены по бюджетному индексу статистики труда возросли в 3500 раз¹ при росте денежной массы в 86 раз². Весной 1921 г. начался переход к новой экономической политике (нэпу), которая строилась на основе сочетания различных форм собственности с использованием рыночных методов и с государственным регулированием. Стала формироваться рыночная инфраструктура, заработал Государственный банк и акционерные коммерческие банки, возникли товарные и валютные биржи, общества взаимного кредита, сберегательные кассы и страхование.

Перевод экономики на рыночные рельсы потребовал оздоровления денежного обращения. На первый план выдвинулось создание предпосылок для снижения инфляции, стабилизации отечественной валюты. Достигнуть этого в условиях полной разрухи было крайне сложно. За годы гражданской войны выпуск крупной промышленности упал в 6 раз³, а последствия жестокой засухи 1921 г. привели к страшному неурожаю в Поволжье и ряде других регионов, где от голода умерло около 3-х млн человек⁴.

Продовольственная катастрофа привела к росту цен на продукты, который начался с октября 1921 г. Внутренняя логика развития гиперинфляции состояла в том, что подъем цен на продукты побуждал профсоюзы выдвигать требования о повышении номинальной зарплаты. Это повышение, в свою очередь, приводило к росту себестоимости промышленных товаров и к общей эскалации цен.

«...эмиссия – опиум для народного хозяйства...»

Вместе с тем существенным для развития этого процесса явилось значительное увеличение эмиссии денег, начавшееся еще в июле 1921 г., когда темп эмиссии (процентное отношение выпуска за месяц к денежному обращению на начало месяца) увеличился до 19,6% против 10,6% в июне⁵. До конца года темп эмиссии возрастал из месяца в месяц, достигнув в декабре 1921 г. 78,1%. Потребность в совзнаках возрастала по мере перехода от натуральных к денежным формам оборота и росту дефицита бюджета. Несмотря на увеличение темпа эмиссии в июле-августе, цены в этот период не росли. Причин тому было несколько. Прежде всего, переход к рыночным отношениям вызвал расширение товарооборота и увеличение спроса на деньги. На рынок вышли те продукты, которые ранее не имели возможности превратиться

в товары. Сыграло свою роль и сезонное увеличение реализации скоропортящихся продуктов нового урожая.

Стабильность цен дала основание руководству продолжить политику заметного роста денежной массы. Власти полагали, что в условиях восстановления экономики дополнительная эмиссия может и не привести к росту инфляции. Ускорение темпа эмиссии в октябре-ноябре отнюдь не встревожило руководителей Наркомфина. Они противопоставляли ему рост промышленного производства, который наметился в те же месяцы. Если 3-й квартал 1921 г. отличался почти полным параличом промышленности, то в 4-м благодаря развитию нэпа ряд отраслей начал подъем.

Однако руководство Наркомфина недооценило опасность срыва в гиперинфляцию. А она началась с декабря 1921 г., когда ежемесячный рост цен превышал 50%. В целом за весь период гиперинфляции с 1 декабря 1921 г. по 1 мая 1922 г. индекс розничных цен возрос в 36 раз⁶. Еще сильнее росли цены на продовольствие, например на московском рынке средние цены на мясо и рыбу были в мае 1922 г. в 60 раз выше, чем в ноябре 1921 г.⁷ Промышленные и торговые предприятия старались при установлении промышленных цен ориентироваться на динамику цен на продовольствие.

В этих условиях руководство страны внесло коррективы в политику Наркомфина. Состоявшийся в конце декабря 9-й Всероссийский съезд советов поручил Наркомату финансов осуществить «с наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты»⁸. Нужен был и новый человек во главе Наркомфина, способный проводить такую политику, раз прежнее руководство ведомства допустило гиперинфляцию. По предложению председателя Совнаркома В. И. Ленина на эту должность был утвержден Г. Я. Сокольников. До революции, во время эмиграции в Париже, он окончил юридический факультет Сорбонны, а также курс доктората экономических наук и обладал достаточной подготовкой для выполнения возложенной на него обязанности оздоровить денежное обращение. Свою позицию по отношению к эмиссии совзнаков он выразил на XI съезде компартии в марте 1922 г.: «...эмиссия – опиум для народного хозяйства»⁹.

В условиях гиперинфляции снова замедлилось восстановление промышленности. Если помнить о необходимости роста экономики, то такой относительно простой путь снижения инфляции, как сокращение бюджетных расходов и кредитования, был отнюдь не оптимальным. На повестку дня было вынесено обсуждение введения параллельной валюты, предложенной известным в дореволюционной России банкиром В. В. Тарновским, бывшим директором крупного Сибирского торгового банка, а по-

¹ Наше денежное обращение: Сб. матер. по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. М., 1926. С. 248.

² Там же. С. 153.

³ Кафенгауз Л. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 231.

⁴ Плановое хозяйство. 1927. № 11. С. 11.

⁵ Наше денежное обращение. С. 204.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Голанд Ю. Финансовая стабилизация и выход из кризиса: Уроки советского червонца // Коммунист. 1991. № 3. С. 57.

⁸ Известия ВЦИК. 1921 г., 30 декабря.

⁹ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенограф. отчет. М., 1961. С. 361.

сле возобновления деятельности Госбанка работавшим в конторе Госбанка в Петрограде. В середине октября 1921 г. он предложил предоставить Госбанку право выпускать банкноты для краткосрочного кредитования частных и кооперативных предприятий, которые могли отвечать своим имуществом за возврат кредитов. Эти банкноты необходимо было на 20% обеспечить золотом, а на остальные 80% – векселями и другими обязательствами. Одновременно с этим для финансирования бюджетного дефицита в обращении сохранились и совзнаки. Необходимость в поддержании их оборота заключалась в том, что в общей сумме денежных доходов государства поступления от налогов и других сборов значительно уступали эмиссии: в январе 1922 г. на нее приходилось 91,2%, в феврале – 84,5%, в марте – 82,3%¹⁰. Принципиальное значение для системы параллельных валют имело то обстоятельство, что, по предложению банкира, государство не фиксировало бы постоянное соотношение между ними, а ориентировалось на меняющиеся рыночные условия. В этом и было отличие предложенной системы от двойной валюты, при которой устанавливается твердое соотношение между двумя валютами.

Серьезным возражением против этого предложения могло бы стать доказательство того факта, что выпуск банкнот приведет к гибели или вытеснению из оборота совзнаков, необходимость в которых в то время сохранялась для финансирования бюджетного дефицита. Но таких доказательств, согласно В. В. Тарновскому, не давали ни теория, ни практика денежного обращения. Но именно этот аргумент выдвигался против идеи параллельной валюты.

«...при нездоровых финансах может существовать... здоровая денежная система»

20 ноября в Госбанке состоялось представительное совещание по денежному обращению, в котором приняло участие около 50 человек, в том числе руководители Наркомфина и Госбанка, известные в прошлом финансисты, экономисты с богатым дореволюционным опытом. Так, среди них был член правления Госбанка Н. Н. Кутлер – один из ближайших соратников министра финансов С. Ю. Витте, около 20-ти лет занимавший в Министерстве финансов России различные должности вплоть до товарища (т. е. заместителя) министра. А после Октябрьской революции он работал членом совета Института экономических исследований Наркомфина. Большинство участников дискуссии признавали невозможность радикальной перестройки денежного обращения без общего подъема народного хозяйства и уничтожения дефицитности государственного хозяйства.

Против этой точки зрения высказались председатель Госбанка А. Л. Шейнман и Н. Н. Кутлер. На основании своего богатого опыта Кутлер сказал: «Вся история денежного обращения России говорит, что при нездоровых финансах может существовать, хотя и недолго, здоровая денежная система»¹¹. Этот период времени как раз и можно использовать для того, чтобы лечить финансы, добиваться сокращения бюджетного дефицита и эмиссии на его покрытие. Вместе с тем он не был согласен и с идеей В. В. Тарновского. На заседании правления Госбанка 26 февраля 1922 г. он предложил ввести банкноты не в параллель совзнакам, а вместо них. При этом уже выпущенные совзнаки предлагалось оставить в обращении на 1–2 года, допустив их

¹⁰ Сборник главнейших статистических сведений по государственному бюджету, по денежному обращению, по кредиту, по движению цен и курсов. М., 1923. С. 32.
¹¹ Известия Наркомфина. 1921. № 20. С. 22.

прием в казенные платежи и уничтожая по мере поступления в казначейские кассы.

Не поддержал введение параллельной валюты на первых порах и Г. Я. Сокольников. 28 февраля 1922 г. он отправил В. И. Ленину и в Политбюро проект тезисов к XI съезду партии «Основные положения финансовой программы», состоявшие из 30-ти пунктов. В нем исключалась возможность денежной реформы в ближайшем будущем из-за значительного бюджетного дефицита, а также был специальный пункт о параллельной валюте, в котором подчеркивались ее отрицательные черты: «Широкое появление в обращении устойчивого знака имело бы последствием катастрофическое обесценение государственных эмиссионных знаков, и потому устойчивая параллельная валюта может быть применена только в очень незначительных размерах для специальных целей, например как подсобный денежный документ во внешней торговле»¹².

Сходную позицию разделяли и большинство специалистов на совещании по денежному обращению, которое Г. Я. Сокольников создал 2 марта 1922 г. Резко против идеи параллельной валюты выступили член правления Госбанка З. С. Каценеленбаум и председатель финансовой секции Института экономических исследований Наркомфина Н. Н. Шапошников. Их главный аргумент заключался в том, что не удастся избежать использования банкнот для финансирования бюджетного дефицита, а в результате дело сведется к росту эмиссии и, соответственно, усилению инфляции.

В защиту идеи параллельной валюты выступил А. Л. Шейнман. Он увидел в ней тот смысл, что ее введение позволит сократить эмиссию совзнаков. В. В. Тарновский вспоминал спустя почти четверть века, что сразу после совещания А. Л. Шейнман поручил ему составить краткую докладную записку по вопросу о выпуске банкнот на имя В. И. Ленина, которому он и представил ее при личной встрече в первых числах марта. На этой записке В. И. Ленин написал резолюцию, «предлагавшую приступить безотлагательно к разработке мероприятий по осуществлению изложенного в записке проекта»¹³. И когда в «Правде» 9 марта 1922 г. были опубликованы тезисы Г. Я. Сокольникова к съезду партии о финансовой программе, то из первоначального проекта были исключены несколько пунктов, в том числе и изложенный выше тезис с критикой идеи параллельной валюты.

На протяжении марта В. В. Тарновский готовил проекты постановления о выпуске банкнот, переданные Правлением Госбанка в апреле в Наркомфин, где, кроме того, стали готовить и свой проект. 25 июля был подписан декрет СНК о предоставлении Госбанку права выпуска банкнот достоинством в 10, 25, 50 и 100 червонцев¹⁴. Крупный номинал купюр позволял разделить сферы деятельности червонца и совзнака. Каждый червонец приравнивался к 7,74 г чистого золота, то есть к тому его количеству, которое содержалось в дореволюционной 10-рублевой монете. Однако размен их на золото по этому паритету был отложен, как указывалось в законе, до специального правительственного рас-

поряжения, так что фактически в законе речь шла об обещании в будущем восстановить существовавшую до революции денежную систему на основе золотого стандарта, воспоминания о которой еще были живы в памяти населения. Это обещание призвано было повысить доверие к новым банкнотам. Той же цели служило предусмотрено в законе обеспечение выпущенных в обращение банкнот – они должны были не менее чем на 1/4 обеспечиваться драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой, а в остальной части легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами. Банкноты выпускались для различных коммерческих операций Госбанка. Что же касается их казначейского использования, то Госбанк мог выдавать ссуды банкнотами Наркомфину, но только по особому постановлению правительства и при условии обеспечения такой ссуды не менее чем на 50% драгоценными металлами, а в остальной части – процентными обязательствами Наркомфина. Важное значение для вхождения банкнот в оборот имел пункт декрета, предоставлявший право Госбанку требовать возврата ссуд, выданных в банковских билетах ими же, хотя совзнак оставался законным платежным средством.

Но и после принятия декрета продолжались попытки добиться финансовой стабилизации без введения параллельной валюты. Основание для этого давало прекращение гиперинфляции в мае. Если за апрель розничные цены по индексу ведущего научного центра в области экономики – Конъюнктурного института – возросли на 88%, за май они увеличились только на 13%¹⁵. Главная причина положительного сдвига состояла в том, что в мае выявились благоприятные виды на урожай и ослабла та продовольственная паника, которая поддерживала гиперинфляцию. В этой ситуации на рынок вышли те запасы продовольствия, которые крестьяне придерживали. Кроме того, сказались последствия жесткой денежно-кредитной политики, которая вынуждала промышленные предприятия не держать свои товары на складах в ожидании повышения цен.

Инфляция летом 1922 г. заметно снизилась, розничные цены в июле-августе росли ежемесячно на 8%¹⁶. Несмотря на это, темп эмиссии сохранялся на высоком уровне: 47–49%¹⁷. Причина заключалась в том, что наркоматы – потребители бюджетных средств – стали предъявлять к государству требования резкого увеличения денежных ассигнований. Руководство страны шло навстречу этим требованиям, не видя в росте эмиссии большой беды, раз она не приводила к соответствующему подъему цен. Дефицит квартального бюджета на июль-сентябрь 1922 г., покрываемый за счет эмиссии, составил около 60% от величины всех намеченных расходов. Высокий дефицит бюджета сохранялся, несмотря на то, что с начала 1922 г. наблюдался стремительный рост денежных доходов государства, но в еще большей степени увеличились запросы ведомств на получение бюджетных средств.

Высокий темп эмиссии привел к тому, что в сентябре вновь ускорилась инфляция и цены возросли на 17%¹⁸. Стали угасать надежды на то, что удастся стабилизировать рубль, не прибегая к выпуску банкнот. 9 октября 1922 г. коллегия Наркомфина приняла «Наказ Госбанку о порядке выпуска, использования и изъятия из обращения банкнот». Он стал основным документом, определявшим условия эмиссии червонцев. Наказ устанавливал те коммерческие операции Госбанка, для совершения которых и готовились к выпуску червонцы, а 11 октября 1922 г. был подписан соответствующий декрет СНК о их выпуске. Он полностью повторял декрет от 25 июля 1922 г., за исключением номиналов выпускаемых червонцев. Было предусмотрено выпускать их достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Надо сказать, что даже купюра в 1 червонец была крупной для населения (а выпускались на первых порах в основном купюры в 5 и 10 червонцев), а по курсу на совзнаки в тот момент примерно соответствовала среднемесячной зарплате рабочих.

Система параллельных валют должна была работать в сложных макроэкономических условиях. По данным Госплана, валовая продукция всей промышленности – крупной и мелкой – за 1921/22 год

¹² 12 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1114. Л. 244.

¹³ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 26. Д. 103. Л. 136.

¹⁴ СУ. 1922. № 46. Ст. 578.

¹⁵ Наше денежное обращение. С. 251.

¹⁶ Там же. С. 251.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Там же. С. 251.

(тогда хозяйственный год начинался 1 октября) составляла 28% от уровня 1913 г.¹⁹, а сельскохозяйственное производство сократилось примерно вдвое. Иначе говоря, оставалась задача сочетания финансовой стабилизации и экономического роста.

«...абсолютно вредной является та эмиссия, которая идет на покрытие бюджетного дефицита и... хозяйственных дефицитов»

Г. Я. Сокольников в докладе на Всесоюзном съезде финансовых работников, открывшемся 22 октября 1922 г., доказывал, что между этими целями нет противоречия. Он подверг критике сторонников так называемой производственной точки зрения. Ее приверженцы (производственники) считали, что финансовая политика должна быть целюмной и полностью подчинена интересам максимального развития производства. Как заметил Г. Я. Сокольников, тезис «производство превыше всего» возвращает ко временам «военного коммунизма», когда для каждого предприятия стояла только одна задача – «производить». Задачи воспроизводства, то есть сбыта и снабжения, лежали тогда на государстве. Теперь они ложились на сами предприятия и, как подчеркивал докладчик, «производство не имеет никакой цены, если за ним не идет сбыт». Процесс воспроизводства разворачивается на рынке и через рынок. «Это значит прежде всего через деньги, – говорил докладчик и делал вывод, – производство противопоставлять сейчас деньгам – полная бессмыслица»²⁰. Стабилизация денежной единицы была необходима для нормального развития процесса воспроизводства и соответствовала интересам самой промышленности.

Отсюда вытекала необходимость сокращения эмиссии. Вместе с тем в своем выступлении Г. Я. Сокольников противопоставил казначейскую и банковскую эмиссии: «Абсолютно вредной является та эмиссия, которая идет на покрытие бюджетного дефицита и на покрытие хозяйственных дефицитов». Но в то же время, в связи с намеченным выпуском банкнот, заметил: «Но может быть другой вид эмиссии, кроме той, о которой мы говорили, – это эмиссия, задачей которой является коммерчески поставленный кредит на производственные цели. Такой кредит может иметь положительное значение, если используется надлежащим образом, увеличивает количество благ и усиливает товарооборот, дает рынку дополнительное количество реальной продукции». Намечаемое сосуществование двух параллельных валют, по мнению Сокольникова, «ничем не будет отличаться от того, когда в страну с обесценивающимися бумажными деньгами начинает широко проникать иностранная твердая валюта», но с тем преимуществом, что выпуск твердой валюты будет находиться в руках Госбанка, а не иностранных организаций.

Выраженная Г. Я. Сокольниковым на съезде идея противопоставления казначейской и банковской эмиссий разделялась не всеми специалистами Наркомфина. Так, сотрудник Института экономических исследований Л. Эльясон писал: «Различие между двумя эмиссиями: одной – для целей покрытия бюджетного дефицита и другой – для производственных и торговых целей – можно проводить только теоретически. В действительности народное хозяйство представляет из себя единый бассейн обращения денег и товаров. В мелкой ячейке современного товарного и денежного хозяйства – розничной лавке – должны встретиться обе эмиссии. Здесь государственный служащий и рабочий, получающий свой доход в советских рублях, должен будет встретиться с купцом, который прямо или через оптовика, фабриканта пользуется производственным кредитом»²¹.

«...в период внедрения червонца в оборот он фактически исполнял роль... ценной бумаги, отвлекающей часть средств с товарного рынка...»

Выпуск червонцев в обращение начался в конце ноября 1922 г. Циркуляр Правления Госбанка от 17 января 1923 г. прекратил обращение совзнаков на активные операции, то есть кредиты

должны были впредь выдаваться только в червонцах. Однако при этом сохранялась обязанность беспрепятственного размена на совзнаки. В начале хождения червонцев клиенты, зачастую получив кредит в банкнотах, быстро обменивали их на совзнаки, которые принимались во все платежи в розничной торговле. Чтобы стимулировать распространение червонцев, Наркомфин в феврале 1923 г. издал распоряжение о приеме банкнот в уплату всех государственных и местных налогов и сборов, установленных в совзнаках. В том же месяце Наркомат путей сообщения обязал железнодорожные кассы принимать банкноты для уплаты тарифов на перевозку грузов и пассажиров. Эти меры способствовали тому, что городские жители стали привыкать к червонцам (для крестьян минимальная купюра в один червонец была слишком велика).

Выпуск червонцев не ослабил усилия Наркомфина по сдерживанию эмиссии совзнаков для того, чтобы предотвратить их сильное обесценение. Темп эмиссии сократился с 34,8% в декабре 1922 г. до 31,8% в январе 1923 г. и 23,1% – в феврале²². Снижению темпа эмиссии способствовал рост бюджетных доходов, прежде всего косвенных налогов – акцизов и таможенного дохода, которые возросли в январе более чем вдвое, а также доходов от имущества и предприятий. В общей сумме доходов государства доля эмиссии снизилась с 52,7% в октябре 1922 г. до 26,4% – в феврале 1923 г.²³

В период внедрения червонца в оборот он фактически исполнял роль не столько денег, сколько ценной бумаги, отвлекающей часть средств с товарного рынка. В нее временно вкладывались свободные наличные, чтобы потом, когда понадобятся деньги, ее продать. С момента выпуска червонцев в обращение и до конца марта его курс в совзнаках рос примерно в соответствии с ростом товарных цен. По официальным котировкам фондового отдела Московской товарной биржи цена червонца в совзнаках 1923 г. возросла со 117 руб. на 30 ноября 1922 г. до 302 руб. на 1 апреля 1923 г., то есть в 2,58 раза при росте индекса Госплана за тот же период в 2,71 раза²⁴. Такое соотношение благоприятствовало заемщикам. Получая кредит в червонцах и вкладывая его в торговые операции, они в среднем получали достаточно совзнаков для обмена на червонцы и возврата кредита.

Однако в конце февраля 1923 г. были приняты решения по увеличению бюджетных расходов, прежде всего на нужды армии, которая действительно в них нуждалась. Для того чтобы сохранить боеготовность армии, руководство страны на протяжении 1922 г. шло по пути сокращения ее численности, пытаясь одновременно улучшить техническое и материальное обеспечение. В ноябре 1922 г. было принято решение Политбюро о дальнейшем сокращении с 800 тыс. до 600 тыс. к 1 февраля 1923 г. В результате удельный вес расходов на оборону в общих расходах бюджета упал с 29,21% в октябре 1922 г. до 11,39% в январе 1923 г.²⁵

В мартовском бюджетном плане 1923 г. общие расходы были увеличены примерно на 50%²⁶. Среди отраслей, получивших наибольшую прибавку, примерно в равных величинах были военные ведомства и отрасли промышленности, которым были выданы субсидии и бюджетные ссуды. Для финансирования этих расходов темп эмиссии в марте резко возрос до 38,5%, а удельный вес в доходах бюджета увеличился до 33,8%.

Когда ускорился рост эмиссии совзнаков, стали быстрее расти и товарные цены: индекс оптовых цен Госплана в совзнаках за апрель 1923 г. увеличился на 43% против 24% в марте²⁷. В результате возрос спрос на червонцы как инструмент страхования денежных средств от обесценения. Показателем такого изменения ситуации стал резкий скачок курса червонца в середине апреля до 390 руб.

В результате у государственных и кооперативных организаций в апреле 1923 г. появились проблемы с возвратом кредитов в червонцах. Действительно, получив кредиты в червонцах, они большую их часть меняли на совзнаки для проведения своих операций. Когда же подходил срок их возврата, а они предоставля-

¹⁹ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925–1926 год. М., 1925. Табл. № 14.

²⁰ Сокольников Г. Финансовая политика революции. Т. 1. М., 1925. С. 251.

²¹ Вестник финансов. 1922. № 38. С. 30.

²² Наше денежное обращение. С. 204.

²³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.2. Д.683. Л. 63 об.

²⁴ Наше денежное обращение. С. 222, 251.

²⁵ Вестник финансов. 1923. № 27. С. 4.

²⁶ ГАРФ. Ф.5446. Оп.72. Д. 47. Л. 219.

²⁷ Наше денежное обращение. С. 253.

лись в основном на 1–3 месяца, совзнаки приходилось обменивать на червонцы. Если цены на товары росли медленнее, чем курс червонца, то неизбежно возникали трудности с их возвратом. На проходившем в середине апреля 1923 г. съезде управляющих филиалами Госбанка представители регионов жаловались, что «нэпманы-ловкачи сумеют выкрутиться, несмотря на изменение курса червонца, а 90–95% государственных и кооперативных предприятий не сумеют вернуть кредит»²⁸. В качестве способов облегчения ситуации они предлагали затормозить рост курса червонца, выбрасывая банковые билеты на рынок для продажи на совзнаки, и отказаться от требования возврата кредитов в червонцах.

«...жизнь страны мы не можем останавливать из-за саботажа государственных учреждений...»

Руководители Госбанка были не согласны с такими предложениями. А. Л. Шейнман сообщил, что Госбанк в течение нескольких дней потратил 500 тыс. червонцев на скупку совзнаков, но так и не сумел остановить рост курса червонца. Дальше продолжать такую политику было невозможно, ибо, по закону, Госбанк не имел права на эмиссию банковых билетов для этой цели. В тех же случаях, когда государственные и кооперативные предприятия отказывались брать кредиты на условиях Госбанка, называя их кабальными, он предложил все 100% кредитных ресурсов давать частной промышленности и торговле, заявив: «Жизнь страны мы не можем останавливать из-за саботажа государственных учреждений»²⁹. А. Л. Шейнман также заявил о необходимости начать подготовку к широкому внедрению банкнот в деревне, выпустив купюру в полчервонца.

Члены правления Госбанка поддержали позицию своего руководителя. З. С. Каценеленбаум увидел в резком скачке курса червонца первое и серьезное предупреждение надвигающейся катастрофы совзнака и признал того, что страна переходит на червонцы. Об этом свидетельствовал отмеченный на съезде и такой факт: в Москве и Петрограде рабочие стали выдвигать требования выплачивать им зарплату в червонцах. Он подчеркнул, что с самого начала выпуска червонцев подразумевался временный характер существования двух валют – не более полугода. Н. Н. Куллер заявил, что мелкие купюры устойчивой валюты нужны рабочим и крестьянам как средство сбережения. Он также обращал внимание на то, что если не будут выпущены мелкие купюры, то придется финансировать закупки урожая совзнаками. Это вынудит увеличить казначейскую эмиссию настолько, что неизбежно ускорится обесценение совзнаков. Но раз реальной становится возможность того, что совзнаки выйдут из употребления, то надо к ней заранее готовиться. Выпуск мелких купюр, по его мнению, как раз и являлся одной из таких подготовительных мер наряду с расширением банковской эмиссии.

Еще одним аргументом в пользу незамедлительного выпуска купюр в полчервонца являлась необходимость сократить разрыв между темпами роста промышленных и сельскохозяйственных цен, сузить ножицы цен. В промышленности уже начался процесс перехода на червонное исчисление, некоторые цены стали устанавливаться в червонцах. Но в деревне сохранялось обращение совзнаков, и это являлось дополнительным фактором раздвижения ножиц цен.

За 2 недели до названного выше съезда совет по эмиссионным делам при Госбанке обсудил вопрос о выпуске купюры в полчервонца. Большинство членов совета, включая представителя Наркомфина – заместителя начальника Валютного управления (позднее он стал начальником управления), признанного авторитета в области денежного обращения Л. Н. Юровского, сочли выпуск такой мелкой купюры целесообразным. После этого заседания был сделан заказ Гознаку на печатание 12 млн экз. полчервонцев с тем, чтобы они к моменту реализации урожая оказались на местах хлебных заготовок. Предложение Госбанка о выпуске купюры в полчервонца поддержал и Президиум ВСНХ (Высший совет народного хозяйства – орган, руководивший государственной промышленностью).

Однако это предложение встретило возражения со стороны руководителей Наркомфина, считавших такой выпуск возможным только тогда, когда не будет бюджетного дефицита или он будет настолько мал, что можно будет поставить вопрос об отказе от эмиссии. Суть дискуссии о drobных купюрах заключалась как в определении возможной скорости завершения денежной реформы, так и в отношении к деревне. Сохранение обесценивающегося совзнака как фактически единственной валюты в деревне являлось дополнительным каналом перетекания средств из сельского хозяйства в промышленность. 27 апреля 1923 г. Финансовый комитет Совнаркома принял следующее постановление: «Признать выпуск полчервонцев преждевременным и какие бы то ни было подготовительные меры излишними»³⁰, а вскоре был аннулирован и заказ Гознаку на их печатание. Это был критический момент для развития денежной реформы. Как показала практика, была упущена возможность смягчить кризисные явления.

Об их приближении указывалось и в докладе Г. Я. Сокольниково о финансовом положении на заседании Совнаркома 3 мая 1923 г. Он заявил, что крах совзнака привел бы к катастрофе, потому что вынудил бы использовать для покрытия бюджетного дефицита червонцы. Это привело бы к их обесценению и полному провалу всей денежной системы. Отсюда его утверждение: «В продолжение ближайшего времени нам необходимо стабилизировать рубль, ибо вряд ли мы сможем отказаться от советской эмиссии в ближайшие месяцы и даже годы»³¹.

Г. Я. Сокольников отверг неизбежность обесценения совзнака в результате дальнейшего выпуска червонцев. Он заявил, что при правильном разделении сфер деятельности червонца и совзнака возможно их мирное сожительство. Вместе с тем он признал, что если такого разделения не будет, то произойдет крах совзнака. Однако суть проблемы заключалась в возможности сохранить предлагавшееся разделение областей деятельности двух валют по мере внедрения червонцев.

В своем заключительном слове Г. Я. Сокольников подчеркнул необходимость сокращения бюджетных расходов несмотря на то, что все ведомства борются против этого. Они понимают необходимость ограничения эмиссии, но полагают, что это должно быть сделано за счет кого-то другого. При такой практике, говорил он, «нет шансов выбраться из болота, в котором мы сидим»³², и дал впечатляющую картину реальности: фонды промышленности истрачены, основной капитал проеден почти до конца, золотой фонд съеден, и тот небольшой остаток, который имеется, неприкосновенен. Наряду с режимом экономии он предложил развивать кредитование промышленности за счет банкнот.

Совнарком согласился с наркомом и постановил сократить дефицит бюджета на 2-е полугодие хозяйственного года. В соответствии с этим постановлением был принят майский бюджетный план, который предусматривал сокращение расходов, по сравнению с апрелем, примерно на 15%, а ссуды и субсидии промышленности уменьшились почти вдвое³³.

Вместе с тем было необходимо подготовиться к реализации урожая. Для этого надо было заранее развернуть промышленное производство, чтобы к осени снабдить деревню товарами. С этой целью было решено увеличить банковское кредитование промышленности. Кредитные операции за счет Госбанка увеличилась за май на 2,84 млн червонцев, а за июнь на 5,05 млн³⁴. Основным источником финансирования этих операций стала эмиссия червонцев. За май из эмиссионного отдела Госбанка было передано в кассу Правления 2 млн червонцев, а за июнь – еще 1,6 млн. Но эти цифры не в полной мере отражали фактический рост банкнот в обращении.

Дело в том, что до июня 1923 г. существенная часть переданных в кассу Правления червонцев не оставалась в обращении, они обменивались на совзнаки и оказывались в кассах Госбанка. На 1 июня в обращении насчитывалось только 59,3% всех выпущенных червонцев, то есть 4,75 млн³⁵. А за июнь объем червонцев в обращении возрос до 7 млн, то есть доля в общем объеме

²⁸ Голанд Ю. Финансовая стабилизация и выход из кризиса. Уроки советского червонца // Коммунист. 1991. № 4. С. 58.

²⁹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 12. Л. 63.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 72. Д. 47. Л. 130.

³¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 58. Д. 1. Л. 9.

³² Там же. Л. 13.

³³ Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на 1922–1923 бюджетный год. М. 1924. С. 92.

³⁴ Госбанк СССР. Отчет за 2-й год деятельности. М., 1924. С. 56.

³⁵ Наше денежное обращение. С. 26.

выпущенных червонцев поднялась до 72,9%. Это изменение отражало улучшение условий для развития кредита и повышение доверия к червонцу.

«...снижение [эмиссии] может и не вести к замедлению роста цен, а его увеличение безусловно способствует этому росту...»

Вместе с тем не удавалось стабилизировать совзнак путем сокращения эмиссии, как надеялся Наркомфин. Выпуск совзнаков в обращение в мае 1923 г. сократился по сравнению с апрелем на 40%, а темп эмиссии снизился с 35,6% до 16%³⁶, что представляло собой наименьшую величину за весь период нэпа. В то же время рост цен не замедлился, а наоборот, возрос. Всеобщий розничный индекс за май вырос на 50% против 37% за апрель, всеобщий оптовый индекс – соответственно на 44% и 43%. Та же картина повторилась в июне. Эмиссия совзнаков в июне удвоилась по сравнению с маем, и ее темп составил 28,1%, но розничный индекс увеличился на 48%, а оптовый – на 53%³⁷. Принципиально важным было изменение соотношения между темпом эмиссии и индексами цен. Если в 1-м кв. 1923 г. цены росли медленнее, чем эмиссия, то начиная с апреля и особенно в мае-июне ситуация изменилась в обратном направлении. Это означало падение доверия к совзнаку.

В чем была причина роста товарных цен, несмотря на снижение темпа эмиссии? В отчете о деятельности правительства, представленного в конце июня 1923 г. пленуму ЦК компартии, подчеркивалось, что факторы товарного рынка со своей стороны влияют на валюту. «Сокращение товарооборота в последние весенние и начальные летние месяцы создают угрозу обесценения денег даже при сокращенной эмиссии»³⁸. Отсюда делался вывод о том, что основным фактором регулирования денежного обращения следует считать непрерывное развитие торгового-промышленного оборота в стране.

Эта формулировка нуждается в уточнении: нельзя противопоставлять такие задачи, как сокращение эмиссии и развитие товарооборота, они взаимосвязаны, развитию оборота как раз способствовало снижение цен. Есть асимметрия в реакции инфляции на размер эмиссии – его снижение может и не вести к замедлению роста цен, а его увеличение безусловно способствует этому росту.

Необходимо разобраться и в том, почему произошли заминки в товарообороте, несмотря на рост кредитования в летние месяцы. Он привел к увеличению производства в тех отраслях, куда направлялись кредиты, а это была легкая промышленность, в первую очередь – текстильная. Например, в хлопчатобумажной промышленности выработка готовых тканей в натуральном выражении увеличилась по сравнению с предыдущим месяцем: в мае на 17%, в июне на 23%³⁹. В то время их оптовая продажа в квартале (апрель-июнь) составила только 64% выработки и снизилась по сравнению с предыдущим кварталом на 18%⁴⁰. Причина этой пока еще заминки со сбытом (кризис сбыта наступил позднее) состояла в росте цен. Отпускные цены на ситец, которые утверждались Комиссией по внутренней торговле на основании представленных трестами калькуляций, выросли в апреле на 38,1% по сравнению с январем⁴¹. В целом по хлопчатобумажной промышленности индекс отпускных цен в червонных рублях вырос на 1 июля 1923 г. на 53% по отношению к значению на 1 января⁴².

Тресты оправдывали рост цен высокой себестоимостью производства, не принимая во внимание, что массовые потребители, прежде всего в деревне, не могут принять такие цены. Возник своеобразный заколдованный круг. С одной стороны, расширение емкости рынка требовало низких промышленных цен, а с другой – для восстановления индустрии нужны были деньги. Положение осложнялось тем, что параллельно росту промышленных цен падали сельскохозяйственные, прежде всего хлебные, благодаря хорошему урожаю. Возникли ножницы цен между растущим индексом промышленных цен и падающим индексом цен на сельскохозяйственные товары. Наличие двух валют усугу-

било ситуацию, потому что червонец распространялся в городе, а в деревне оставался совзнак.

В мае 1923 г., в отличие от апреля, курс банкноты стал отставать от роста цен. За месяц червонец вырос примерно на 25%, в июне на 30%, что было значительно меньше, чем темп роста цен. Такое соотношение динамики курса червонца и цен стимулировало заключение кредитных сделок в торговом обороте. Тресты не чувствовали заминки в сбыте, потому что благодаря значительным кредитам Госбанка могли осуществлять поставки оптовым покупателям в кредит. Покупатели (в основном кооперации) охотно выдавали векселя в червонцах, выигрывая на повышении цен, которые, как они надеялись, не помешают продаже в розницу, когда начнется реализация урожая. Продавцы же ничего не теряли, своевременно учитывая векселя в банках, в результате чего резко возрос объем вексельного кредита.

«...с валютным регулированием было тесно связано регулирование внешней торговли...»

Чрезмерное отставание курса червонца от роста цен, то есть падение его покупательной силы, грозило самому замыслу создания устойчивой валюты. Г. Я. Сокольников в качестве основного способа поддержания устойчивости червонца выдвинул привязку его к твердой иностранной валюте в соответствии с золотым паритетом. Этот способ можно было использовать, потому что валютный рынок уже начал функционировать. Государственные и кооперативные организации могли покупать и продавать валюту на фондовых биржах, лишь получив от специального органа при Наркомфине – особого валютного совещания (ОВС) – генеральную лицензию или разрешение на каждую валютную операцию. Если экспортеры хотели часть полученной инвалюты продать, то они должны были в первую очередь предложить ее Госбанку и только в случае его отказа продать на бирже.

Частные лица могли практически свободно покупать и продавать валюту на бирже, получив статус постоянных или разовых посетителей, а также в банках. Могли без специального разрешения переводить за границу своим родственникам или знакомым инвалюту в размере до 100 золотых рублей в месяц по официальному курсу и брать с собой при поездках за границу инвалюту на 200 руб. Развитие валютного рынка было стратегическим направлением, важным для успешного внедрения червонца, ибо без этого трудно было убедить население в реальности обещаний правительства обеспечить со временем их размен на золото.

С валютным регулированием было тесно связано регулирование внешней торговли. Ее основу составлял принцип государственной монополии. Он означал лицензирование основного объема импорта и ограничение экспорта тех видов продукции, которые рассматривались как жизненно важные для внутреннего рынка.

Курс инвалюты рос, когда повышался спрос на нее. В значительной мере он регулировался государственными органами при выдаче лицензий на импорт. Но, кроме того, существовал страховой спрос, желание застраховать свои капиталы от обесценения при ускорении инфляции. Валюта для этой цели приобреталась на вольном рынке. Официальный курс устанавливался на торгах в фондовом отделе Московской товарной биржи, но до середины апреля он не отличался существенно от вольного курса. Позднее вольный курс стал заметно превосходить официальный. Для того чтобы затормозить этот рост, стали осуществляться валютные интервенции на вольном рынке, которые проводил Госбанк и специально образованное подразделение Наркомфина – особая часть валютного управления. Разность между проданными Госбанком и Наркомфином золотыми монетами и инвалютой и купленными ими на вольном рынке отражала степень доверия к червонцу. Весь период денежной реформы отличался значительным превышением продажи над покупкой. Зато эти интервенции позволили не допустить значительной разницы между официальным курсом инвалюты (прежде всего доллара) и вольным и в то же время обеспечить примерно стабильный курс червонца к доллару.

Так как был взят курс на ограничение эмиссии совзнаков, то пришлось привлечь банковскую эмиссию для финансирования

³⁶ Там же. С. 163, 204.

³⁷ Там же. С. 251, 253.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 683. Л. 66 об.

³⁹ Русская промышленность в 1923 г. // Ежегодник ВСНХ. М., 1924. С. 243.

⁴⁰ Там же. С. 245.

⁴¹ Там же. С. 242.

⁴² Там же. С. 94.

бюджета. На заседании Финансового комитета 2 июня 1923 г. было решено в виде исключительно финансового мероприятия «разрешить Наркомфину прибегнуть к займу у Госбанка на сумму не свыше 400 тыс. червонцев на условиях, определенных декретом о банкнотах»⁴³. С самого начала выпуска червонцев денежные власти неоднократно говорили о нежелательности такой практики, при которой банкноты фактически играли бы ту же роль в финансировании бюджетного дефицита, что и совзнаки. Но в ситуации, когда поступления доходов по июньскому бюджетному плану сокращались в реальном выражении по сравнению с майским планом, приходилось идти даже на нежелательные шаги, чтобы профинансировать самые необходимые расходы. Таким образом, наметился отход от базовых принципов закона о выпуске банкнот.

«...искусственное достижение бездефицитного бюджета путем отказа в удовлетворении... потребностей страны способно превратиться в отрицательный фактор для общего [ее] развития...»

В отчете правительства за 1-е полугодие 1922/23 года предлагалось, начиная с августа, ввести более жесткое ограничение размеров месячной эмиссии совзнаков, сократив ее до 15 млн золотых рублей в месяц. Сообщалось о возможности с 1 января 1924 г. прекратить финансирование бюджетного дефицита за счет эмиссии совзнаков. Одновременно было высказано намерение привлекать для этой цели червонцы⁴⁴. Новые идеи служили доказательством того, что в правительственных кругах появилась мысль о возможности существования устойчивого червонца при наличии бюджетного дефицита, если он не превышает определенной величины.

Предложение ограничить эмиссионное право 15 млн золотых рублей в месяц по курсу на начало месяца с целью затормозить рост бюджетных расходов было законодательно оформлено на сессии ВЦИК в начале июля 1923 г. В своем докладе Г. Я. Сокольников раскритиковал те промышленные предприятия, которые использовали кредитную поддержку не для того, чтобы снизить цены, а сократили реализацию и повысили товарные цены.

Сессия ВЦИК приняла предложение Наркомфина. Тем не менее сохранились возражения против требования сократить бюджетные расходы. На пленуме Госплана в середине июля 1923 г. председатель Госплана Г. М. Кржижановский утверждал, что важно найти оптимум расходов и правильно их использовать, а не стремиться свести к минимуму ассигнования. При этом он заметил, что определить этот оптимум трудно и приходится «брать чутьем». В принятой резолюции пленума Госплана указывалось: «Искусственное достижение бездефицитного бюджета путем огульного отказа в удовлетворении наиболее настоятельных хозяйственных потребностей страны способно превратиться в отрицательный фактор для общего развития страны»⁴⁵.

Опасность обесценения червонцев в случае их использования для покрытия бюджетного дефицита подкреплялась угрозой кредитной инфляции в результате значительного расширения банковского кредитования. Чтобы предотвратить эту угрозу, в июле 1923 г. была сделана попытка сократить темп выпуска червонцев. На такую необходимость указывалось на совещании по вопросам денежного обращения, состоявшемся 11 июля. Валютное управление Наркомфина представило на него тезисы «Банкнота и совзнак», в которых сохранялась прежняя позиция о необходимости сохранения совзнака как источника финансирования бюджетного дефицита. Согласно тезисам, денежная политика должна вестись так, чтобы обе эмиссии поддерживали друг друга. В тезисах утверждалось, что следует категорически противиться выпуску банкнот более мелких, нежели 1 червонец. В качестве главного вывода в последнем тезисе рекомендовалось «всемерно сдерживать темп выпуска банкнот, памятуя, что даже ограничение банкнотной эмиссии выпуском банковских билетов

только в коммерческих кредитных операциях Госбанка еще не дает гарантии здорового обращения этих билетов, так как не может предотвратить кредитной инфляции»⁴⁶.

«...хорошие деньги... должны стать губительными для плохих...»

Выступивший на совещании З. С. Кацеленбаум критиковал общепринятую в Наркомфине концепцию, согласно которой период параллельного сосуществования двух валют определялся временем, необходимым для ликвидации бюджетного дефицита. С наибольшей четкостью эту концепцию позднее выразил Л. Н. Юровский: «Хорошие деньги, конечно, должны были стать в конце концов губительными для плохих. Практически проблема поэтому заключалась в том, чтобы использовать срок до момента гибели старой денежной системы и оздоровить за это время все финансовое хозяйство, то есть в том, чтобы правильно наметить момент начала и момент окончания денежного преобразования, оставив достаточный промежуток времени для работы по ликвидации бюджетного дефицита»⁴⁷.

З. С. Кацеленбаум заявил, что когда в Госбанке приступали к выпуску банкнот, то не предполагали продлевать их параллельное сосуществование с совзнаком до ликвидации бюджетного дефицита. По его мнению, существует некий пороговый уровень бюджетного дефицита, ниже которого может быть здоровое денежное обращение, и только практика может подсказать, какой уровень является приемлемым.

В заключительной речи на совещании Г. Я. Сокольников выступил за сокращение кредитования промышленности и заявил о возможности выпуска казначейских гарантированных денег вместо совзнаков в качестве разменных, но лишь после значительного сокращения бюджетного дефицита и замедления инфляции.

Развитие событий уже через несколько дней после описанного выше совещания развеяло планы руководителей Наркомфина. Вместо сокращения темпа эмиссии банкнот началось ее ускорение, потому что снижались текущие счета по мере роста спроса на червонцы. За июль было эмитировано 3,9 млн червонцев, за август – 4,9 млн, за сентябрь – 5,1 млн⁴⁸. Одновременно росла доля банкнот, выпущенных в обращение, – до 89,2% на 1 сентября. На ту же дату удельный вес червонцев в общей денежной массе достиг 66,1%. Рост выпуска червонцев неизбежно должен был повлечь за собой и рост эмиссии совзнаков для обеспечения размена. До войны на долю денег достоинством меньше 10 рублей приходилось около 40% всей денежной массы. На 1 сентября 1923 г. на долю купюр достоинством менее 10 червонных рублей приходилось около 34%, а на 1 октября – 25,6%⁴⁹. По данным Госбанка, в июне-июле около 25% червонцев обменивалось на совзнаки. Темп эмиссии совзнаков в июле заметно возрос по сравнению с июнем, достигнув 37,9%, а ее объем увеличился по сравнению с предыдущим месяцем на 73%⁵⁰. Неудивительно, что рост цен ускорился. Индекс оптовых цен Госплана возрос на 60%, в том числе сельскохозяйственные цены возросли на 49% при росте промышленных цен на 75%⁵¹. Ножницы цен начали еще сильнее раздвигаться.

Разменный кризис обострился в сентябре в связи с увеличением выпуска червонцев. Пришлось резко увеличить эмиссию совзнаков, которая в сентябре возросла в номинальном выражении более чем втрое по сравнению с августом, а темп эмиссии возрос более чем вдвое. Индекс оптовых цен Госплана возрос за сентябрь на 99%, при росте промышленных цен на 105% и сельскохозяйственных – на 93%⁵², таким же был рост розничных цен. Эмиссионный предел был превзойден в несколько раз, если считать по курсу на начало месяца. Для оправдания этого нарушения была выдвинута идея о том, что законодательно ограничено использование эмиссии совзнаков на бюджетные цели, а для эмиссии на внебюджетные цели, в частности на раз-

⁴³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 72. Д. 47. Л. 63.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 683. Л. 70 об.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. Д. 141. Л. 246 об.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 20. Л. 68 об.

⁴⁷ Юровский Л. Денежная политика советской власти [1921-1927]: Избр. статьи. М., 2008. С. 280.

⁴⁸ Наше денежное обращение. С. 26.

⁴⁹ Там же. С. 188.

⁵⁰ Там же. С. 204, 152.

⁵¹ Там же. С. 253.

⁵² Там же.

мен червонцев или на закупки хлеба, ограничений нет. В сентябре-октябре были приняты решения о значительном выпуске совзнаков для финансирования хлебозаготовок, в том числе на цели экспорта. Эмиссия совзнаков по номиналу в октябре увеличилась втрое по сравнению с сентябрем, а темп эмиссии достиг максимального значения за весь период проведения денежной реформы – 131,7%⁵³.

Этот рост эмиссии был связан с решением после неудачи июльского плана о сокращении выпуска червонцев стабилизировать покупательную силу червонца. В этом контексте важным было соотношение темпа роста червонца в совзнаках с темпом роста товарных цен. По котировкам фондового отдела Московской товарной биржи цена банкнот за июнь возросла на 31%, а после этого месяца начался бурный подъем, за июль – на 51%, за август – на 78%, за сентябрь – на 100%, за октябрь – на 73%⁵⁴. Этому подъему соответствовало изменение всесоюзного оптового индекса Госплана за июль на 60% к предыдущему месяцу, за август – на 77%, за сентябрь – на 99%, за октябрь – на 66%⁵⁵. Таким образом, червонец был поддержан за счет ускорения обесценения совзнака.

На рост цен повлияло также замедление товарооборота в июле, когда объем продаж текстильной промышленности снизился на четверть. В августе замедление переросло в кризис сбыта. В августе продажные сделки по всем трестам, синдикатам и торгам снизились по сравнению с июлем на 26,4%⁵⁶. Из-за сокращения товарооборотов рост цен ускорился несмотря на то, что темп эмиссии совзнаков в августе несколько снизился, составив 35,3%⁵⁷ по сравнению с июлем. Оптовые цены по индексу Госплана возросли на 77%, в том числе промышленные на 95% и сельскохозяйственные на 60%⁵⁸. На Московской товарной бирже (МТБ) продолжалось падение оборотов: в сентябре на 13,5%, а в октябре по сравнению с сентябрем на 45%⁵⁹. Обороты по текстильным изделиям на МТБ упали втрое в октябре по сравнению с июлем⁶⁰.

Казалось бы, в условиях свободных цен предприятия должны были пойти на понижение цен при первых проявлениях кризиса сбыта. Однако здесь сказались особенности всей системы нэпа, о которой говорил управляющий Центральным статистическим управлением П. Попов на заседании Президиума Госплана в конце февраля 1923 г.: «Причина этого странного явления (рост цен при кризисе сбыта) лежит в том, что это кризис промышленности, состоящей, хотя бы в скрытой форме, на государственном снабжении. Во время нашего кризиса товары не выбрасываются на рынок по низким ценам, а хранятся в складах, а банки снабжают промышленность ссудами, погашение которых происходит весьма медленно и очень часто и совсем не погашаются. Благодаря этому бремя кризиса промышленности переносится всецело на государство, то есть на ресурсы, полученные от крестьянства и эмиссии»⁶¹.

Работники промышленности стремились к таким ценам, которые обеспечивали бы процесс воспроизводства в условиях многолетнего амортизационного провала, давали бы возможность провести необходимый капитальный ремонт. Продавали они потребительские товары в основном не гражданам, а торговым организациям. Если те им сразу платили, то дальнейшее продвижение товаров по товаропроводящей цепи предприятия могло и не интересовать. Однако большая часть товаров поставлялась в кредит, под векселя, которые учитывались в банках. В этих случаях производитель также нес ответственность за дальнейшую реализацию товаров. Удовлетворяя спрос высокодоходных категорий потребителей, прежде всего в городах, и не заботясь о том, чтобы расширять его, снижая себестоимость, меняя структуру предложения для удовлетворения деревенского спроса, промышленность неизбежно приходила к кризису сбыта. Действовавшая система сбыта и кредита позволяла предпри-

ятиям чрезмерно надеяться на помощь государства, извлекая средства из банков, а не с рынка.

Из-за роста цен спрос населения оказался ниже, чем ожидали и промышленные предприятия, и торговые организации, которые закупали товары. Если в первое полугодие они в основном продавали товары в городах, то с началом реализации урожая рассчитывали на рост спроса сельского населения. Этот расчет не оправдался из-за ножиц цен. Анализ емкости текстильного рынка на основе проводимых ЦСУ обследований бюджетов крестьянских хозяйств и городского населения показал, что в 1923 г. в городах было потреблено примерно 2/3 продукции текстильной промышленности, в деревне – 1/3, причем крестьянин покупал в 5 раз, а рабочий в 3,6 раз меньше, чем до войны⁶².

Часть товаров оставалась на складах промышленности и торговли с прикрепленными к ним ярлыками цен, которые фактически не являлись ценами реализации данной партии. Основным партнером промышленности была система потребительской кооперации, причем на каждом этапе продвижения товара возникали векселя, которые предъявлялись к учету в разных кредитных учреждениях. Низовая кооперация, получавшая товары в кредит, могла надеяться на оживление спроса с началом реализации урожая и, кроме того, надеялась на помощь вышестоящих кооперативных звеньев в случае провала этих надежд. Наличие такой системы приводило к экранированию промышленности от конечных покупателей, и их реакция становилась известной только тогда, когда наступал срок платежей по векселям. В результате промышленным и торговым организациям благодаря кредиту была предоставлена возможность совершения сделок по высоким, не соответствующим покупательной способности населения ценам, что привело к обострению кризиса сбыта.

«...за известным пределом стабилизация червонца на золото превращается в искусственное обесценение золота...»

Г. Я. Сокольников, находившийся в отпуске, в начале сентября написал письмо своему заместителю М. К. Владимирову, в котором резко выступил против расширения эмиссии червонцев, грозящей их обесценением. Он критиковал аргумент сторонников расширения банкнотной эмиссии, утверждавших, что ее негативное влияние на устойчивость червонца можно нейтрализовать, стабилизировав его относительно золота и инвалюты с помощью валютных интервенций. Г. Я. Сокольников и сам не раз говорил о важности поддержания стабильного обменного курса и выступал за проведение таких интервенций, однако, по его мнению, не на любом уровне покупательной силы можно обеспечить его золотой паритет, ибо «за известным пределом стабилизация червонца на золото превращается в искусственное обесценение золота»⁶³. В этом случае, разъяснял нарком, придется идти на большие валютные жертвы и экспорт станет невыгодным, что приведет к сокращению притока валюты, а далее – к невозможности поддерживать валютный паритет.

В августе 1923 г. Госбанк сократил кредитование некоторых отраслей промышленности и ужесточил требования к погашению выданных кредитов, пытаясь побудить предприятия выпустить товары со складов. Это привело к тому, что финансовое положение промышленности ухудшилось. Показателем служат данные о превышении выдачи средств (по Правлениям Госбанка и Промбанка) над погашением. Если в марте-июле 1923 г. эта цифра равнялась 18–19 млн червонных рублей, то в августе она снизилась до 13,4 млн, а в сентябре – до 5,9 млн руб.⁶⁴

Без кредитной помощи многие торговые предприятия оказались не в состоянии платить по своим векселям, эти неплатежи повлекли за собой ухудшение финансового положения их кредиторов – промышленных предприятий, а это, в свою очередь, привело к дальнейшим задержкам выплаты зарплаты. Под влиянием

⁵³ Там же. С. 204.

⁵⁴ Там же. С. 222.

⁵⁵ Там же. С. 253.

⁵⁶ Русская промышленность в 1923 г. М., 1924. С. 63.

⁵⁷ Наше денежное обращение. С. 204.

⁵⁸ Там же. С. 253.

⁵⁹ Русская промышленность в 1923 г. С. 56.

⁶⁰ РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 84. Д. 659. Л. 290.

⁶¹ ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 55. Д. 318. Л. 8.

⁶² Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1924. № 5. С. 33.

⁶³ РГАСПИ, Ф. 670. Оп. 1. Д. 23. Л. 55.

⁶⁴ ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 55. Д. 311. Л. 371.

финансовых трудностей многие предприятия сократили заготовку топлива, сырья, материалов для развертывания будущего производства. Отдельным предприятиям пришлось частично сократить текущее производство.

Еще сильнее пострадали кооперативные организации. Центросоюз (руководящий орган потребительской кооперации) не только не мог погасить к сроку взятые на себя по векселям и кредитам обязательства внутри России, но и оказался не в состоянии без увеличения кредита выполнить свои обязательства в Лондоне. Кризис Центросоюза автоматически отразился на его поставщиках, в частности Солесиндикате и Нефлесиндикате. Наиболее наглядным показателем развития кризиса можно считать темп протеста векселей. Если за первую неделю октября было опротестовано 276 векселей на сумму 207 тыс. червонцев, то за третью неделю – уже 414 на сумму 355 тыс.⁶⁵. Данные о вексельном обороте за октябрь по 58 организациям показали, что промышленность получила платежей от своих клиентов на 1 млн червонцев, допустила переписку векселей на 968 тыс. червонцев и опротестовала векселя на 345 тыс. червонцев⁶⁶.

«...надо отрешиться от стремления строить благополучие всей хозяйственной жизни на государственной казне...»

Государству пришлось прийти на помощь промышленности и кооперации. Платежи по задолженности Центросоюза Госбанку в сумме 1,4 млн червонцев были отсрочены до 1 января 1926 г. Кроме того, общая задолженность Центросоюза по выданным им векселям госпредприятиям была уменьшена на 6 млн червонных рублей в связи с тем, что он сам сложил задолженность по векселям, выданным ему низовыми органами кооперации на ту же сумму. Из-за финансовых трудностей многие промышленные предприятия не имели средств даже на выплату зарплат. Например, в тяжелое положение попал один из крупнейших трестов Сахаротрест, задолженность которого только по зарплате рабочим к середине октября составила 5 млн червонных рублей⁶⁷, и Президиум Госплана принял специальное решение о необходимости выдачи ему кредита на эту сумму. Зарплату на промышленных предприятиях стали нередко выплачивать денежными суррогатами. Это привело к массовым забастовкам, в сентябре 1923 г. бастовало 78 тыс. рабочих, а в октябре – 165 тыс.⁶⁸. В октябре бастовали почти все шахты в Донбассе⁶⁹. Забастовки не бывали длительными, потому что власти старались быстро удовлетворять финансовые требования бастующих.

Целый ряд крупных трестов и кооперативных центров так и не возвратили Госбанку выданных им кредитов. В 1926 г. Правление Госбанка решило выяснить размер тех своих активов, которые вошли в состав оборотных средств промышленных предприятий в 1923 г., надеясь их вернуть. Почти все, что было выдано трестам, было включено в постоянную часть оборотных средств. Эта сумма оценивалась Госбанком в несколько сот миллионов рублей⁷⁰. Государственная помощь предприятиям в период кризиса была необходима, она позволила купировать кризис, ограничить срок его действия. В то же время ее побочным действием явилось дальнейшее укрепление уверенности госпредприятий в том, что государство всегда придет на помощь. Это мешало воспитанию рыночного поведения, которое должно было соответствовать принципам нэпа, и угрожало повторением кризисных явлений. Орган Наркомфина журнал «Вестник финансов» сделал важный вывод: «Надо отрешиться от стремления строить благополучие всей хозяйственной жизни на государственной казне»⁷¹.

Помощь промышленности и кооперации предоставлялась как за счет Госбанка, так и бюджета. В результате обострилась проблема финансирования бюджетного дефицита, так как в рамках законодательно установленного лимита объема эмиссии совзнаков при их падении стало невозможным получать необходимые средства. Нельзя было в больших объемах использовать для этой цели и червонец, не ставя под угрозу его стабильность. Поэтому власти решили прибегнуть к административным мерам

в поисках средств для финансирования бюджетного дефицита. В середине августа Политбюро приняло решение использовать открытое принудительное размещение выигрышного займа. Правительственным постановлением от 3 сентября 1923 г. намечалась реализация облигаций по коллективной подписке в размере, пропорциональном уровню зарплат от 3-х до 20-ти % с тем, чтобы в среднем по предприятию общая сумма составляла 10% от фонда зарплат.

Через день было принято постановление Совнаркома о принудительном размещении выигрышного займа среди имущих слоев населения. Одновременно с уплатой подоходно-поимущественного налога частные предприятия и лица обязывались приобрести определенное количество 5-рублевых облигаций, в зависимости от своего имущественного положения. Кроме того, при выборке полугодовых патентов по промысловому налогу эти предприятия и лица были обязаны приобрести определенное количество облигаций в зависимости от разряда предприятия.

Еще через три дня распространили практику приобретения облигаций при выборке патентов на государственные и кооперативные предприятия. В середине сентября 1923 г. Совнарком принял постановление о принудительном размещении займа среди частных подрядчиков, поставщиков и комиссионеров, которым их контрагенты должны были уплачивать из зафиксированных в договорах сумм 15–20% в виде облигаций.

Вся эта система принудительного размещения займа ставила крест на добровольном приобретении, но в ее оценке надо учитывать, что альтернативой стало бы увеличение эмиссии. А в результате мог бы ускориться рост цен и эмиссионный налог. В конце 1923 г. помощник начальника Валютного управления НКФ Д. А. Лоевецкий, подводя итоги реализации займа, писал, что чистый доход от займа за вычетом всех расходов по его реализации за 11 месяцев 1923 г. составил примерно 20% всего дохода от эмиссии. «Таким образом, благодаря выигрышному займу нам удалось сократить эмиссию денежных знаков на 20%», – делал вывод Д. А. Лоевецкий⁷². В то же время принудительное размещение займа имело и очевидные отрицательные последствия, например для развития частной торговли.

Использовать нерыночные методы решили и для сужения ножиц цен, которые препятствовали проведению денежной реформы. За период с 1 июля по 1 октября 1923 г. всесоюзный оптовый индекс Госплана в совзнаках на промышленные товары вырос в 7 раз, а на сельскохозяйственные – в 4,6 раза⁷³. В этом разрыве сыграли негативную роль просчеты в проведении денежной реформы, и прежде всего отказ от своевременного ввода в обращение полчервонца. В городе произошел переход на червонцы. Уже летом некоторые оптовые цены стали устанавливаться в червонцах, на червонное исчисление в августе были переведены ставки акцизного обложения, в сентябре – на промысловый налог, патентный и гербовой сбор, установлена оплата векселей в червонцах, в золотом исчислении взымались доходы неналогового характера. С 1 сентября все дотации и ссуды промышленности выдавались в червонном исчислении. Было решено с 1 октября перевести на червонное исчисление тарифы, счетоводство предприятий, выдачу зарплат. В деревне же совзнаки оставались, и переход на червонное исчисление подстегивал их обесценение, что дополнительно снижало платежеспособность деревни.

В конце сентября пленум ЦК компартии поручил Политбюро «создать специальную комиссию для выработки и проведения в срочном порядке мероприятий по борьбе с катастрофическим расхождением цен на фабрикаты и сельхоз. продукты»⁷⁴. Были также созданы комиссии в разных экономических ведомствах по анализу причин роста цен. Комиссию Наркомфина возглавил принципиальный противник параллельной валюты Н. Н. Шапошников. Он выступил с докладом на заседании комиссии в ноябре 1923 г. Основное его положение заключалось в том, что причиной роста цен являлся рост совокупной денежной

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 195. Л. 36.

⁶⁶ Там же. Д. 311. Л. 367.

⁶⁷ Там же. Д. 336. Л. 88 об.

⁶⁸ РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. М., 2004. С. 56.

⁶⁹ Там же. С. 29.

⁷⁰ Юровский Л. Денежная политика Советской власти (1921–1927). С. 291.

⁷¹ Голанд Ю. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006. С. 539.

⁷² Экономическая жизнь. 1923 г. 9 декабря.

⁷³ Наше денежное обращение. С. 251.

⁷⁴ Голанд Ю. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы. 1921–1924. С. 516–517.

массы, включавшей в себя совзнаки и банкноты. По расчетам комиссии, денежная масса в совзнаках с пересчетом на червонцы по текущему курсу с 1 апреля по 1 октября 1923 г. увеличилась в 24 раза, а цены менее чем в 18 раз⁷⁵. Из сопоставления этих цифр он делал вывод о том, что в росте цен нет ничего загадочного. Приведя данные о выпуске червонцев, докладчик делал вывод о том, что он значительно превышал потребности оборота, и именно это обстоятельство вызвало рост цен.

«...изменение общего уровня цен возможно только в тех случаях, если увеличивается покупательная способность населения...»

С резкой критикой доклада выступил в прениях З. С. Каценеленбаум. Он отметил, что выступает и как член Правления Госбанка, и как ученый-теоретик, автор ряда работ по денежному обращению. Оратор утверждал, что комиссия стоит на неправильном понимании количественной теории денег. Он выступил против выдвинутой в докладе комиссии идеи конкуренции банкноты и совзнака, сравнил ее с жалостью к старой вещи после покупки новой, намного лучшей. Он задался вопросом, что было бы с совзнаком, если бы не было червонца и все кредитование промышленности производилось при помощи совзнаков. Ответ для него был очевидным – совзнак обесценился бы намного сильнее. Неверно было, по его мнению, оценивать народнохозяйственное влияние выпуска банкнот как инфляционное, то есть отрицательное. Червонец завоевал уже господствующее положение в денежном обращении, и обесценение совзнака не имело столь большого значения, как раньше.

В заключительном слове Н. Н. Шапошников отверг все аргументы З. С. Каценеленбаума. Цитируя данные самого банкира о развитии кредита в червонцах, он утверждал, что они показывают, как инфляция, которая раньше шла только через казначейство, пошла и через Госбанк. Кроме того, для размена червонцев Наркомфин дополнительно эмитировал совзнаки, что также, по его мнению, доказывало инфляционное влияние выпуска банкнот. Он подчеркнул, что комиссия исходила из бесспорного положения: «Изменение общего уровня цен возможно только в тех случаях, если увеличивается покупательная способность населения. Раз нет денег или возможности купить этот товар, то цены не могут стоять на высоком уровне»⁷⁶. Это положение справедливо, если не учитывать возможности неплатежей в оптовых звеньях, как это и наблюдалось осенью 1923 г.

Дискуссия шла между высококвалифицированными экономистами. С одной стороны, ее вели специалисты, придерживавшиеся традиционных взглядов в рамках теории, которая признавала использование только одной валюты. С другой – были творческие ученые, понимавшие, что в условиях параллельной валюты действуют другие закономерности. Рост цен, выраженных в падающей валюте, был неизбежен по мере внедрения устойчивой. В этом случае применять обычные критерии, свидетельствующие о вреде инфляции на экономику, было неверно, потому что одновременно шел процесс оздоровления, а именно: обесценивающаяся валюта заменялась стабильной. С этой точки зрения было ошибкой считать, что выпуск червонцев способствовал усилению инфляции в экономике в целом, хотя ставить вопрос о чрезмерных темпах их выпуска можно было. На мой взгляд, сбалансированную позицию представил Л. Н. Юровский: «Расширение банковской эмиссии в месяцы сужения товарного оборота и щедрое кредитование крупнейших государственных и кооперативных предприятий Госбанком в те месяцы, когда сбыт был недостаточен, дало возможность промышленным и торговым предприятиям калькулировать свои цены вне достаточной связи с действительным соотношением спроса и предложением на рынке»⁷⁷. Все эти споры имели не только теоретический интерес, они прямо отражались на принимаемых решениях в период завершения денежной реформы.

«...тресты должны усвоить то капиталистическое правило, что высокая прибыль получается благодаря низким ценам и большим оборотам...»

Директива снизить промышленные цены выполнялась, прежде всего, комиссией цен из представителей разных ведомств. До осени 1923 г. она в основном утверждала с небольшими коррективами представленные калькуляции на те товары массового спроса, цены на которые тресты и синдикаты не могли повысить самостоятельно. После того как в конце сентября 1923 г. политическое руководство приняло решение о снижении цен, комиссия изменила свою политику. Например, на заседании 3 октября были утверждены отпускные цены на ситец со скидкой в 18% от предыдущего прейскуранта, принятого 14 июля. Фактически же снижения были еще значительнее – около 30%, так как летняя цена была установлена франко-фабрика, и тресты делали свою наценку в 15–20% по сравнению с прейскурантной ценой⁷⁸. В то же время некоторые тресты, учитывая рыночную конъюнктуру, признали возможность понизить свои цены на те товары, которые не регулировались комиссией цен. Так, трест «Моссуко» снизил на 25% оптовые цены на все товары своих фабрик, Моссельпром – на кондитерские изделия в среднем на 28–30% и цены на хлеб на 20%⁷⁹. На совещании текстильных трестов 6 октября зам. начальника промышленно-экономического управления ВСНХ А. М. Гинзбург обратился к участникам совещания с таким призывом: «Тресты должны усвоить то капиталистическое правило, что высокая прибыль получается благодаря низким ценам и большим оборотам»⁸⁰. Благодаря административным и рыночным методам цены в октябре–ноябре снизились в среднем по промышленности на 12,6%, в том числе на все текстильные изделия на 18,6%⁸¹.

Сократился разрыв цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами и потому, что возобновился экспорт хлеба, благодаря чему в деревню пошел дополнительный поток денег, приведший к росту хлебных цен. По оптовому индексу Госплана в червонном исчислении цены на сельхозтовары выросли за октябрь на 3% к предыдущему месяцу, за ноябрь на 18%, за декабрь еще на 15%⁸². В результате ножницы цен стали сдвигаться и увеличились розничные продажи в деревне. Оживление розничной торговли привело в декабре к росту оптовых сделок. Продажи 162-х объединений ВСНХ (тресты и синдикаты) в червонных рублях возросли по сравнению с ноябрем на 23,3%⁸³. Положительные тенденции продолжались и в первые месяцы 1924 г.

В целом кризис сбыта можно было считать к концу 1924 г. в основном разрешенным. Хотя он протекал весьма остро, но оказался кратковременным. После этого в центре внимания всей экономической политики стало завершение денежной реформы. На первый план выдвинулось проведение денежной реформы в узком смысле этого слова – ликвидация падающего совзнака и выход на единственную твердую валюту. На 1 декабря 1923 г. совзнаки составляли несколько более 1/4 всей денежной массы. Их было даже мало для выполнения функций разменных денег, поэтому, казалось бы, они могли сохраняться и дальше. Однако из-за быстрого обесценения совзнак стал «отравлять» все денежное обращение. Он ежедневно падал в цене по отношению к червонцу на 3–5%, и всякий, к кому попадали совзнаки, старался скорее от них избавиться, покупая товары или обменивая на червонцы. Так как одновременно продолжалось ограничение выпуска червонцев, то спрос на них резко возрос, они стали использоваться для сбережения и уходило из обращения. Возник разрыв между официальным и рыночным курсами червонца, который к концу ноября достиг 8%. Червонец стал играть роль не только средства страховки денежных сумм от обесценения, но и объектом широкой спекуляции, которая приносила 1–1,5% в день.

Быстрое обесценение совзнаков начало влиять и на ход хлебозаготовок, крестьяне стали отказываться продавать хлеб за эти обесценивающиеся деньги, требуя червонцы. Практика обнаружила одну из основных проблем функционирования системы параллельной валюты – трудность обеспечения долж-

⁷⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6905. Л. 6.

⁷⁶ Там же. Л. 59.

⁷⁷ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1923. №7–8. С. 23–24.

⁷⁸ Экономическая жизнь. 1923 г. 5 октября.

⁷⁹ Экономическая жизнь. 1923. 9 октября.

⁸⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 4899. Л. 36.

⁸¹ Промышленность СССР в 1924 г. М., 1925. С. LIII.

⁸² Наше денежное обращение. С. 253.

⁸³ Промышленность СССР в 1924 г. С. LXXVIII.

ного соотношения между двумя частями денежной массы. Если в конце лета – начале осени не хватало совзнаков и наблюдался разменный кризис, то в последние месяцы 1923 г. усиление совзначной эмиссии и сокращение темпа выпуска червонцев привели к исчезновению банок из обращения. Угнаться за этим процессом было немислимо, ибо на следующий день после повышения официальной котировки вольный курс снова возрастал и разрыв проявлялся с прежней силой. Всякие разговоры о необходимости присмотреться к строению денежной массы для нахождения оптимального соотношения между червонцами и совзнаками оставались в области теоретических рассуждений. Эмиссия производилась из разных касс и на различных основаниях, а после того как червонец занял господствующее положение, находить на практике нужное соотношение стало крайне трудно.

«...финансовые реформы не выдумываются и наступают тогда, когда они становятся стихийно неизбежными...»

Ситуация требовала завершения денежной реформы: вместо падающих совзнаков необходимо было выпускать твердые казначейские билеты. 5 декабря 1923 г. в Наркомфине прошло заседание, на котором были обсуждены основные пути предстоящей реформы. Выступивший с докладом Г. Я. Сокольников отказался от ранее высказываемого требования полной ликвидации бюджетного дефицита для достижения финансовой стабилизации. Он заявил, что наличие дефицита, покрываемого выпуском казначейских билетов в пределах 15 млн золотых руб. в месяц, не может помешать завершению реформы.

В прениях Л. Н. Юровский сформулировал положение, которое считал основополагающим: «Финансовые реформы не выдумываются и наступают тогда, когда они становятся стихийно неизбежными»⁸⁴. В подтверждение этой мысли он привел введение червонца, которое потребовала жизнь как необходимое твердое платежное средство. Без него не удалось бы достигнуть того темпа хозяйственного развития, который наблюдался в 1923 г. Точно так же начавшееся осенью 1923 г. в связи с разменным кризисом широкое распространение в различных городах денежных суррогатов вместо совзнаков показывало, что идет стихийный процесс. Для его преодоления требовалось, по словам Л. Н. Юровского, «на место всенародного творчества выдвинуть государственное творчество». Отсюда вытекало, что настало время предложить обороту мелкие твердые деньги.

Общий план завершения реформы был представлен Г. Я. Сокольниковым на специальном заседании коллегии Наркомфина 25 января 1924 г. С критикой отдельных положений доклада Г. Я. Сокольникова выступил А. Л. Шейнман, в частности он заметил, что можно было завершить реформу раньше. На это замечание Г. Я. Сокольников ответил в заключительном слове: «Если бы весной 1923 г. отменили полностью натуральный налог и перешли на деньги, тогда мы могли бы летом провести денежную реформу»⁸⁵. Если вспомнить, что весной он выступал против предложения Госбанка ввести полчервонца, а это было бы существенным шагом на пути реформы и внедрения твердой валюты в деревне, то фактически он признал свою ошибку.

С февраля 1924 г. началась реализация принятого плана реформы. 5 февраля был принят декрет о выпуске государственных казначейских билетов достоинством в 1, 3 и 5 рублей. Объем выпуска был установлен не свыше половины от общей суммы выпущенных в обращение червонцев. 7 февраля Правление Госбанка

объявило о приеме казначейских билетов во все платежи из расчета 1 червонец равняется 10 руб. золотом и о размене червонцев на казначейские билеты. 14 февраля было принято постановление о прекращении выпуска совзнаков с 15 февраля 1924 г. Декретом от 22 февраля Наркомфину было поручено приступить к выпуску серебряной монеты в 10, 15, 20, 50 копеек и в 1 рубль, а также медной монеты в 1, 2, 3 и 5 копеек.

«...в борьбе с инфляцией явилось сжатие бюджетных расходов для сокращения бюджетного дефицита...»

Если же на смену совзнакам приходили казначейские билеты, которые выпускались также из казны, то надо было доказать их различие и предотвратить их обесценение. В отличие от совзнака билет имел постоянное соотношение с червонцем, и это было чревато очевидной угрозой. При падении казначейских билетов они бы неизбежно потянули за собой и червонцы. Следовательно, первостепенное значение имело создание условий, которые не допустили бы такое падение.

Необходимым условием являлось недопущение роста цен. В качестве одной из важных мер в борьбе с инфляцией явилось сжатие бюджетных расходов для сокращения бюджетного дефицита, финансируемого за счет эмиссии казначейских билетов. Расходы начали снижать с января 1924 г., когда приступили к подготовке денежной реформы. Бюджетный план на 1-й кв. 1924 г. был сокращен по сравнению с планом предыдущего квартала на 10%, причем финансирование военных ведомств в нем снизилось почти вдвое. Наибольшее сокращение предусматривал бюджетный план на март. В правительственном постановлении от 27 февраля сообщалось о необходимости принятия исключительных мер по сокращению бюджета на март в связи с тем, что в этом месяце должны были развернуться практические действия по реализации реформы. Расходы по мартовскому плану 1924 г. предусматривали уменьшение примерно на 17% по сравнению с бюджетным планом на декабрь 1923 г.⁸⁶ В результате бюджетный дефицит был снижен в квартале январь-март 1924 г. до 94,3 млн червонных рублей против 110,9 млн руб. в предыдущем квартале⁸⁷. Частично дефицит покрывался путем кредитных операций, что является нормальным в рыночной экономике и не стимулирует инфляцию. Другая часть дефицита продолжала покрываться за счет казначейской эмиссии, которая даже выросла с 45,5 млн руб. до 59,9 млн руб. В целом за весь 1923/24 год было эмитировано на покрытие бюджетного дефицита 180 млн руб., или 8,2% бюджета, причем из этой суммы почти 30 млн руб. было выпущено серебряной монетой⁸⁸. Подтвердилось, что наличие бюджетного дефицита в определенных пределах не препятствует созданию твердой валюты. С 1 июля 1924 г. эмиссия бумажных денег на покрытие бюджетного дефицита была прекращена совсем.

Далее, была ограничена эмиссия червонцев на февраль и март. Это вызвало сопротивление представителей промышленности и торговли. Наиболее активно выступал против этой меры нарком внешней торговли Л. Б. Красин. Участником пленума ЦК партии, где в конце февраля 1924 г. обсуждался ход денежной реформы, он разослал записку под названием «Сокращение банковской эмиссии – величайшая опасность для денежной реформы». Он не соглашался, что количество дензнаков является главным фактором, определяющим уровень цен. По его мнению, товарные цены зависят от множества других факторов, нередко более влиятельных. Среди них он называл издержки производства, в частности стоимость сырья и рабочей силы, накладные расходы, а также различные рыночные факторы: нарушение нормальных рыночных связей, вызванных войной и разрухой, слабость транспорта, политику цен трестов и синдикатов, плохую организацию торговых аппаратов, влияние внешнего рынка. Отсюда делался такой вывод: «Только безнадежный меркантилизм, переоценивающий значение денег в народном хозяйстве, может... в сокращении эмиссии искать панацею и целительный бальзам для врачевания всех зол»⁸⁹. Л. Б. Красин предлагал другой путь уменьшения товарных цен, который заключался в улучшении производства и торговли, что, по его мнению, требовало не сокращения, а увеличения кредита. Он сравнивал деньги со смазкой, без которой колеса промышленного механизма не могут прийти в движение.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 6728. Л. 81.
⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 670. Оп.1. Д.31. Л.51.
⁸⁶ ГАРФ. Ф.5446. Оп.31. Д.140. Л.98.
⁸⁷ Наше денежное обращение. С. 37.
⁸⁸ Там же.
⁸⁹ РГАЭ. Ф.413. Оп.2. Д.1741. Л.273.

Все эти рассуждения содержали рациональное зерно, но вместе с тем в них сквозило нежелание учитывать особенности периода проведения денежной реформы. С учетом возможного роста цен после объявления твердого выкупного курса совзнаков было решено дополнительно ввести административные меры ограничения цен по опыту октября 1923 г. В конце февраля 1924 г. регулирование цен было распространено на целый ряд товаров, цены на которые ранее не регулировались. В целом индекс ВСНХ оптовых цен на все промышленные товары за февраль-март снизился на 9%⁹⁰. Розничные цены, по правительственному постановлению от 29 февраля 1924 г., были снижены на тот процент, который ранее назывался страховкой на падение совзнака – 5–7%.

7 марта было принято постановление Совнаркома о выкупе совзнаков. Для их выкупа с 10 марта был установлен фиксированный курс в 50 тыс. руб. дензнаками 1923 г. за 1 рубль золотом. Совзнаки сохраняли силу законного платежного средства лишь до 10 мая 1924 г., после чего они принимались к обмену в кассах Наркомфина и Госбанка до 30 мая 1924 г.

Так успешно была завершена денежная реформа. Страна получила одну твердую валюту, хотя еще осенью была в кризисе, а сам ход реформы остро критиковался. С мая установился твердый официальный курс доллара на уровне монетного паритета и почти совпадавший с ним вольный курс. Такая устойчивость обменного курса отражала общую макроэкономическую стабильность, которая установилась после завершения денежной реформы. Стала быстро расти денежная масса. Если с 1 января по 1 июня 1924 г. количество банкнот, переданных в кассу Правления Госбанка, увеличилось с 280 млн руб. до 367 млн руб., то за следующие 5 месяцев оно возросло почти на 200 млн руб., достигнув на 1 ноября 1924 г. 562 млн руб.⁹¹ Одновременно за период до 1 ноября было выпущено казначейских билетов и монет на сумму 308,6 млн руб.⁹² При таком быстром росте денежной массы цены оставались практически стабильными. В то же время промышленное производство на основе стабильной валюты развивалось весьма успешно. Объем продукции государственной промышленности за 2-е полугодие 1924 г. превысил его значение за 1-е полугодие в 1,5 раза⁹³.

«в Советском государстве имела возможность единого маневрирования в целом ряде областей, только благодаря этому мы могли провести денежную реформу...»

В чем были причины успеха? Г. Я. Сокольников на Всесоюзном совещании в июле 1924 г. сообщил: «Это совокупность чрезвычайно сложных мероприятий, и только благодаря тому, что в Советском государстве имела возможность единого маневрирования в целом ряде областей, только благодаря этому мы могли провести денежную реформу»⁹⁴. Руководство страны стремилось найти действительно лучшее решение. Поэтому создавались комиссии как при высших партийных органах, так и в правительстве, где были созданы условия для свободного обсуждения различных альтернатив. Члены этих комиссий, высокопоставленные должностные лица, могли опереться в своих предложениях на дискуссии в печати, в которых принимали участие ведущие эксперты. Известный экономист С. Фалькнер в статье, посвященной 5-летию юбилею правительственной газеты «Экономическая жизнь», отмечал такое ее достоинство, как обсуждение на ее страницах самых разных точек зрения в ходе анализа хозяйственных проблем. Он писал, что «улучшение хозяйства страны становится возможным благодаря рационализации экономической политики под влиянием всестороннего обсуждения и взвешивания всех очередных мероприятий»⁹⁵.

«...основным фактором, способствовавшим успеху, была монополия внешней торговли...»

Конечно, важное значение имела квалификация специалистов. Большинство крупных финансистов и экономистов не уехали из России, они были в курсе последних достижений зарубежной науки, но стремились использовать их творчески, сообразуясь с условиями страны. Один из таких специалистов И. Озеров, быв-

ший до революции заведующим кафедрой финансового права в Московском университете, сразу после завершения денежной реформы подготовил статью, в которой анализировал причины ее успеха на основе сравнения с реформой С. Ю. Витте. По его мнению, основным фактором, способствовавшим успеху, была монополия внешней торговли, обеспечивавшая активный торговый баланс. В ее отсутствие из России вывезли бы все ценное и стали бы ввозить множество ненужных товаров. Он рисовал такой механизм последствий: «При сильном расширении к нам ввоза, червонцы, полученные в обмен на товары продавцами заграничных товаров, предъявили бы усиленный спрос у нас на наши продукты, и это могло бы обесценить червонец»⁹⁶.

В условиях разрушенной страны таможенная защита не могла, по его мнению, быть достаточно эффективной. Интересно, что ту же мысль высказал в сентябре 1925 г. знаменитый английский экономист Дж. Кейнс. Он приехал на празднование 200-летия Академии наук и выступил в Наркомфине с докладом об экономическом положении в Англии. В прениях ему был задан вопрос о причинах успеха денежной реформы в России. Он в заключительном слове ответил, что отдает должное проделанной работе по проведению русской денежной реформы, подчеркнул, что монополия внешней торговли облегчила ее осуществление.

После свертывания нэпа о денежной реформе долгое время было не принято вспоминать. Однако в 1946 г., когда началась подготовка послевоенной денежной реформы, И. В. Сталин направил записку с предложением оценить опыт реформы 1920-х гг. министру финансов СССР А. Г. Звереву. Министр был поставлен в неловкое положение, он не знал, как надо оценивать успешную реформу в свете того, что большинство ее авторов были репрессированы. В сентябре 1946 г. он послал в Кремль какую-то отписку, но она вызвала у И. В. Сталина только раздражение, он потребовал представить ему серьезный документ. Тогда в Минфине для подготовки новой записки привлекли участника реформы В. В. Тарновского, который не подвергся серьезным репрессиям в 1930-х гг. Новый ответ И. В. Сталину был направлен в октябре.

Опыт советской денежной реформы использовал управляющий Национальным банком Югославии Д. Аврамович, готовя реформу денежного обращения на территории СФРЮ, страдавшей в тот период от гиперинфляции. В 1993 г. его внимание обратили на вышедшую в США в 1937 г. книгу эмигранта из России А. Арнольда «Banks, Credit and Money in Soviet Russia», в которой среди прочего описывался опыт исключительно успешной денежной реформы 1921–1924 гг. Книга помогла Д. Аврамовичу подготовить проект реформы Югославии. В январе 1994 г. была введена вторая валюта – новый динар, приравненный к немецкой марке. Правда, в отличие от советской реформы, в Югославии эмиссия старых динаров была полностью прекращена, а между двумя валютами установлено твердое соотношение, то есть действовала система двойной, а не параллельной валюты. Реформа была успешной, гиперинфляция прекратилась, весь период двойной валюты длился полгода. Правда, уже в 1996 г., после того как А. Аврамович ушел с поста управляющего, инфляция возобновилась из-за мягкой денежной политики. В своих воспоминаниях много позднее он рассказывал, как познакомился с книгой Арнольда, и излагал некоторые детали функционирования системы параллельной валюты в СССР, которые, как он писал, взял из моего доклада на секции Всемирного конгресса по экономической истории в Варшаве в 1995 г. «Сравнение успешных случаев использования системы двух валют (Советский Союз 1922–1924 гг. и Югославия 1994 г.): сходство и различия»⁹⁷.

Подводя итоги нашему рассмотрению опыта денежной реформы 1921–1924 гг., надо отметить, что подобное мероприятие предъявляет высокие требования к квалификации лиц, его проводящих. Кроме того, необходимо обеспечить отсутствие коррупции, ибо в противном случае устойчивая валюта сосредоточится у небольшого круга лиц, а большинство населения будет получать валюту падающую.

Фото банкнот из архива АО «Гознак»

⁹⁰ Промышленность СССР в 1924 г. С. LIII.

⁹¹ Наше денежное обращение. С.136.

⁹² Там же. С.145.

⁹³ Там же. С.36.

⁹⁴ Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика на пути к твердой валюте. М.,1995. С.198.

⁹⁵ Экономическая жизнь. 1923 г. 6 ноября.

⁹⁶ РГАЗ. Ф.7733. Оп.1. Д. 6913. Л. 257.

⁹⁷ Avramovic D. Rekonstrukcija monetarnog sistema Jugoslavije I pobjeda nad inflacijom 1994. Beograd, 2007. P.69.